

Шэнь Юй ожидал, что его вызовут к учителю. Всё-таки одна из девиц убежала в слезах, а он продолжал сидеть с таким невозмутимым видом, будто это не он только что довёл одноклассницу до истерики.

Это было даже обидно — он ведь ещё и половины своих самых колких фраз не высказал. Видимо, у нынешних задир был слишком низкий порог терпимости. Стоило ему немного поднажать, как противник позорно бежал с поля боя.

Впрочем, одноклассники оказались благоразумнее, чем он думал. Видимо, девицы поняли: если они пойдут жаловаться, им самим придётся объяснять, с чего всё началось. Кляузничать, когда ты сама первая начала сыпать оскорблениями — затея сомнительная.

В итоге и те девицы, и парень, первым задевший Чэнь Мэйли, после тирады Шэнь Юя про «коллективные обеды в нужнике» предпочли затихнуть и больше не высовываться.

Такие люди всегда одинаковы: наглые с теми, кто кажется им слабым, и трусливые перед лицом достойного отпора. Они привыкли безнаказанно издеваться над Мэйли, совершенно не заботясь о том, какую боль причиняют своими словами.

Но юноша потакать этим привычкам не собирался. На каждый выпад он отвечал двойным ударом, твёрдо решив приструнить любого, кто посмеет открыть рот.

К его удивлению, после того как он разогнал задир, другие ребята из класса сами начали подходить к нему и Мэйли. Это были обычные парни, с которыми Шэнь Юй раньше почти не общался. Они не участвовали в травле, но и дружбу не предлагали.

В большинстве своём мальчишки в классе были нормальными ребятами. Со своими недостатками, конечно, но не злыми. Скорее — обычными подростками.

Они и раньше видели, как издеваются над прежним Шэнь Юем и Мэйли, но те всегда молчали, не смея даже пожаловаться учителю. Со временем все просто привыкли к такому положению вещей и перестали обращать внимание.

Шэнь Юй прекрасно понимал: прежний владелец этого тела был настолько замкнутым, что даже на уроках едва отвечал учителям. А у гордой молодёжи нет привычки навязываться тем, кто вечно смотрит в пол. К тому же в старом Шэнь Юе не было ничего, что могло бы привлечь сверстников.

Так что отсутствие друзей было отчасти виной самого парня.

Теперь же, видя, что он изменился, ребята потянулись к нему. Юноша не стал строить из себя

недотрогу и вежливо поддерживал разговор. Одноклассники заметили: хотя он по-прежнему держался особняком, его характер стал куда более открытым и весёлым.

То, как он заступился за подругу, и его остроумная манера речи пришлись парням по душе. В конце концов, кто-то из них предложил Шэнь Юю как-нибудь вместе поиграть.

Речь шла не о баскетболе — мячи стоили дорого, и тот, у кого он был, мгновенно становился «звездой» школы, вокруг которой вились толпы желающих приобщиться к игре.

Они звали его играть в пинг-понг. Ракетки для него стоили копейки, а если денег совсем не было, можно было выстрогать подобие ракетки из обычной дощечки.

Шэнь Юй с радостью согласился. В прошлой жизни, до того как он стал калекой, он обожал спорт. В его время школы были прекрасно оснащены, и благодаря отличной реакции он неплохо справлялся почти в любом виде спорта.

Но после травмы физкультура стала для него закрытой темой. Пока одноклассники носились с мячом, он мог лишь тоскливо наблюдать за ними с трибун.

Прожив в этом мире чуть больше месяца и обретя здоровое тело, Шэнь Юй не мог нарадоваться. Каждая утренняя пробежка была для него не просто тренировкой, а упоением самой возможностью бежать.

И теперь, когда сверстники позвали его в игру, он почувствовал азарт. Наконец-то он сможет, как и все, азартно сражаться на спортивной площадке!

Конечно, в школе были уроки физкультуры, но раньше их с Мэйли никто не звал в общие игры. Парни обычно устраивали «петушинные бои», прыгая на одной ноге и толкаясь плечами, а девочки прыгали через резиночку или играли в классики. Шэнь Юй в это время обычно сидел в классе над учебниками, и Мэйли оставалась рядом с ним.

Тем временем к Чэнь Мэйли подошли Ван Пин и ещё несколько девочек. Те, кто злословил за её спиной, остались в стороне — у них не хватило наглости подойти, а у этих совесть была чиста.

Ван Пин искренне похвалила причёску девушки и попросила научить их плести так же.

Мэйли растерялась. Она украдкой поглядывала на Шэнь Юя, окружённого мальчишками. Она ведь и сама не знала, как это делается — причёску-то соорудил он.

Не дождавшись ответа по поводу косы, Ван Пин перевела тему на резинки. Она начала рассматривать украшения на парте, восхищаясь их красотой и необычным видом.

Подруга знала, что всё это — дело рук Шэнь Юя, поэтому похвалы в адрес резинок воспринимала как комплименты таланту своего друга. В её глазах он был просто невероятным.

По натуре Мэйли была доброй и открытой. Видя искренний интерес девочек, она позволила им рассмотреть свои сокровища. Вскоре вокруг её парты образовался оживлённый кружок: девчонки наперебой обсуждали, какая резинка к каким волосам больше подходит.

Девушка, которая с детства сама ухаживала за своими волосами и имела средства на наряды, легко влилась в беседу. А когда она набралась смелости и высказала пару замечаний, которые встретили одобрение, её уверенность в себе заметно возросла.

К тому времени как Шэнь Юй закончил обсуждать планы на пинг-понг, девчонки уже всюду пытались повторить плетение «рыбьего хвоста» на волосах друг друга.

Глядя на сияющее лицо подруги, Шэнь Юй искренне радовался. Он был её лучшим другом, но понимал, что ей нужно общение и с другими людьми. Даже если не все эти девочки были искренни в своём интересе, это была отличная школа социального взаимодействия для Мэйли.

Прозвенел звонок на самоподготовку. Девочки нехотя вернули резинки хозяйке.

Пара одноклассниц попросила одолжить им украшения поносить, но Мэйли твёрдо отказала. Это был подарок Шэнь Юя. Она не возражала, чтобы их посмотрели, но давать пользоваться своими вещами не собиралась.

Одна из девочек спокойно приняла отказ, но другая, по имени Нана, тут же надулась:

— У тебя их целая гора, а тебе жалко дать одну на время? Какая же ты жадина!

Мэйли густо покраснела, но впервые в жизни нашла в себе силы возразить:

— Я уже давала вам их посмотреть. Эти вещи мне подарили, и я не могу раздавать их направо и налево.

Она не стала называть имени Шэнь Юя, зная, что он не любит лишнего шума.

Неожиданно на её сторону встала Ван Пин:

— Нана, это вещи Мэйли. Она имеет полное право не давать их, если не хочет. Зачем ты так говоришь?

Другая девочка поддакнула:

— Вот именно! Помнишь ту стопку комиксов, что ты приносила? Мы просили почитать, а ты даже потрогать их не дала. Кто бы говорил о жадности!

Нана вспыхнула, не находя слов для оправдания.

— Да я просто так сказала... Чего вы сразу набросились? — буркнула она.

Несмотря на стычку, она не затаила обиды, пробормотала «извини» и договорилась с Мэйли посмотреть резинки ещё раз на перемене.

Когда Мэйли ошеломлённо кивнула, девчонка как ни в чём не бывало поскакала к своему месту.

«Да уж, — подумал Шэнь Юй, наблюдая за этой сценой. — Женская дружба — вещь загадочная»

***

Из-за утренней стычки с семьёй Ван Сяо Цзяхуэй умудрился опоздать на уроки.

Классный руководитель был в ярости. Другие учителя уже не раз намекали ему, что «звёздный ученик» стал менее прилежным. Ходили слухи, что его отношения с Юнь Байя отвлекают обоих от учёбы.

К тому же до него доходили жалобы, что Цзяхуэй, будучи старостой, высокомерен и не желает помогать товарищам.

Учитель мотал всё это на ус, не подавая виду, но опоздание стало последней каплей. Раньше Сяо Цзяхуэй был его гордостью — исполнительный, способный, лидер класса. Но, похоже, любовь вскружила парню голову.

Опоздания, небрежно сделанные задания... Куда катится этот мир?

В наказание Цзяхуэя заставили стоять в конце класса, а после уроков вызвали в учительскую. Педагог не стал рубить с плеча и обвинять его в романе с Юнь Байя — такие разговоры могли испортить репутацию примерной ученицы.

Вместо этого он долго и пространно рассуждал о важности учёбы, убеждая парня сосредоточиться на экзаменах. Мол, поступишь в престижный университет — тогда и о личной жизни думай.

К сожалению, Сяо Цзяхуэй совершенно не оценил заботы учителя. Он был уверен, что его отчитывают только за опоздание, и в глубине души проклинал Шэнь Юя. Сбивчиво оправдываясь, он твердил, что утром возникли «семейные обстоятельства».

Учитель разочарованно вздохнул. Вся школа знала, что они с Шэнь Юем живут под одной крышей. Как так вышло, что «обстоятельства» задержали только одного, а второй пришёл вовремя?

— Что может быть важнее учёбы? — недовольно спросил педагог. — Если проблема действительно серьёзная, я готов поговорить с твоими родителями.

Цзяхуэй осекся.

Что он мог сказать? Что Шэнь Юй устроил скандал, из-за которого его бабушку избили соседи, а их самих заперли в квартире? Как признаться, что причиной побоища стали те злополучные яйца, якобы сулящие короткую жизнь?

Ему было нечего ответить. Учитель окончательно убедился, что парень лжёт и пытается выкрутиться. Видя упрямое выражение на лице Цзяхуэя, педагог понял, что слова на него не действуют, и просто выставил его вон.

Цзяхуэй вернулся в класс с пылающим от унижения лицом. Его взгляд, полный яда, был прикован к Шэнь Юю. Если бы глаза могли убивать, Шэнь Юй уже был бы мёртв.

Почувствовав на себе тяжелый взгляд, юноша поднял голову. Увидев «драгоценного» главного героя, он вежливо — чисто из уважения к сюжету — слегка приподнял уголки губ. Хотя, по правде говоря, он понятия не имел, какая муха на этот раз укусила его сводного брата.

Цзяхуэй едва не сорвался с места, чтобы кинуться в драку. Ему показалось, что эта ухмылка — верх издевательства.

Но не успел он сделать и шага, как его окликнула Юнь Байя.

Она не пыталась спасти Шэнь Юя, нет. Она просто беспокоилась о своём принце и решила проявить участие. Её тонкие пальцы мягко легли на локоть Цзяхуэя.

Как бы он ни был зол, он не мог сорваться на любимую девушку. Не скажет же он ей: «Погоди минуту, я сейчас быстро набью морду этому выродку и вернусь к тебе».

Запал прошёл. Гнев сменился холодным, расчётливым желанием уничтожить врага.

«Я добьюсь, чтобы этого паразита вышвырнули из нашего дома!»

Так поклялся себе Цзяхуэй, стараясь улыбнуться Байя.

Шэнь Юй даже не подозревал, какой бури он только что избежал. Впрочем, если бы противник полез в драку, он бы точно не стал подставлять вторую щеку.

***

Остаток дня для Шэнь Юя и Мэйли прошёл на редкость удачно.

У них появились новые знакомые в классе. На переменах девочки теперь постоянно звали Мэйли с собой в туалет — Шэнь Юй так и не понял, почему крепкая дружба у девушек обязательно предполагает совместные походы в уборную. Слава богу, парни звали его только поиграть или померяться силами.

Он и не догадывался, что стал главной темой девичьих пересудов. Особенно после того, как Мэйли проговорила, что причёску ей сделал Шэнь Юй.

Девчонки хором завидовали, решив, что парень просто души не чает в своей подруге. Посудите сами: заступился за неё перед Цянь Цзюнем, да так, что тот зуба лишился (ну, так ходили слухи), сегодня снова в обиду не дал, да ещё и косы плетёт!

Мэйли сияла от гордости. Кто-то из девочек ехидно заметил:

— Он только с тобой такой добрый. Слишком уж явное предпочтение.

Это было правдой. Юноша выделял только её, и это льстило.

— А может, он в тебя влюблён?

— Нет! — Мэйли замахала руками, едва не заикаясь от волнения. — Что вы! Мы просто... просто очень хорошие друзья.

Шевелилось ли что-то в её собственном сердце? Пожалуй, да. Как можно остаться равнодушной к такому человеку? Но это чувство было мимолётным.

Как-то раз, обсуждая сплетни о Цзяхуэе и Юнь Байя, они перешли на тему отношений. Мэйли осторожно спросила:

— А какой человек мог бы тебе понравиться?

Она никогда не забудет его взгляд в ту минуту. Одинокий, бесконечно печальный... Казалось,

между ним и всем миром пролегла непреодолимая пропасть.

«В этой жизни я, скорее всего, никогда не влюблюсь, — ответил тогда Шэнь Юй. — И уж точно не женюсь»

«Почему?» — вырвалось у неё.

«Потому что... я никогда не узнаю, ответит ли мне взаимностью тот, кто мне дорог. А сам я никогда не решусь признаться в своих чувствах. Я — трус»

Шёл восьмидесятый год. Время, когда однополая любовь считалась психическим заболеванием, а за связь между мужчинами могли посадить по статье за преступление хулиганства. Шэнь Юй не знал, сможет ли он встретить того, кто разделяет его наклонности, и боялся даже надеяться.

Он чувствовал себя бесконечно одиноким в этом чужом мире. Без опоры, без семьи — только он сам. Ему оставалось лишь защищать себя и своё право на покой.

Мэйли тогда не всё поняла, но почувствовала его боль. Она решила, что Шэнь Юй уже любит кого-то, кто не отвечает ему взаимностью, и искренне сочувствовала другу. Какой же слепой должна быть та девушка, чтобы не разглядеть такое сокровище!

После того разговора её нежные чувства окончательно переросли в крепкую, бескорыстную дружбу. Она больше не смела помышлять о большем, считая это предательством по отношению к другу.

Она хотела для него только счастья. Хотела, чтобы таинственный объект его любви однажды сам сделал первый шаг. Шэнь Юй столько натерпелся от матери и семьи Сяо, он заслужил право на счастье.

Конечно, все эти мысли Мэйли хранила при себе. И теперь, столкнувшись с домыслами одноклассниц, она изо всех сил старалась их переубедить. Вдруг та самая «единственная» Шэнь Юя услышит эти сплетни и всё неверно поймёт?

Благодаря её стараниям (и образу «несуществующей возлюбленной» Шэнь Юя), девчонки в конце концов поверили, что они просто друзья.

Их уважение к Шэнь Юю только выросло. Надо же, какой благородный человек! Если он так предан обычному другу, то какой же он в любви?

Сам Шэнь Юй только диву давался, почему одноклассницы вдруг стали такими любезными. Они постоянно крутились возле Мэйли и то и дело пытались втянуть его в разговор, мешая доделывать домашнее задание.

То ли дело Мэйли — сидит тихо, не болтает попусту, а если и заговорит, то всегда по делу.

Юноше было не до девичьих секретов. Его день был расписан по минутам. В школе он грыз гранит науки, пытаясь наверстать упущенное из-за вчерашнего прогула.

***

После занятий Шэнь Юй купил ещё партию резинок и поспешил к своему арендованному домику.

Первым делом он проверил тайник. Деньги в маленьком ящике были нетронуты — до последнего фэня.

«Значит, я не ошибся в Сяо Дуне», — с облегчением подумал он.

К его великому удивлению, Сяо Дун уже всю штамповал отличные аксессуары. Мальчишка провёл весь день, тренируя руку. Те немногие материалы, что оставил ему Шэнь Юй, он перепортил десятки раз: сшивал, вспарывал и сшивал снова.

Чтобы не тратить нитку, он даже не обрезал её, а аккуратно вытягивал иглой каждый стежок, в чём ему помогали Сяо Ся и бабушка.

Такое рвение дало плоды: к приходу юноши изделия Сяо Дуна выглядели безупречно. Их можно было смело нести на рынок.

Шэнь Юй выдал ему новую партию резинок и скомандовал:

— Начинаем производство!

Сяо Дун и Сяо Ся едва не запрыгали от радости. Наконец-то они будут по-настоящему зарабатывать!

Бабушка Сяо Дуна, смущаясь, попыталась всучить Шэнь Юю деньги. Она твердила, что дети не должны были брать плату за работу после того, как он накормил их таким дорогим обедом. Ему пришлось долго убеждать её, что это бизнес, и если она не примет плату, он больше не сможет просить их о помощи. Только тогда старушка сдалась.

Кстати, у него была ещё одна важная просьба к бабушке. Ему нужно было жильё. А лучше — собственный дом.

Поначалу он планировал просто подзаработать на аренду и тёплую одежду на зиму, но дела

пошли так успешно, что капитал начал расти быстрее, чем он ожидал.

Цены на недвижимость сейчас были смехотворными, и Шэнь Юй, как человек из будущего, не мог упустить шанс обзавестись собственными квадратными метрами.

Этот район, конечно, считался окраиной и напоминал деревню посреди города, но застройка здесь была не плотной. В основном — одноэтажные домики с небольшими дворами.

Место было удобным: и до школы близко, и от жилого квартала Сяо в другую сторону.

Сейчас все мечтали о квартирах в многоэтажках. «Электричество, телефон, удобства на этаже» — вот он, символ успеха восьмидесятых.

Но Шэнь Юй в гробу видал эти «бетонные коробки». Ему по душе был свой дворик, где можно всё переделать под себя и не бояться, что соседи будут подслушивать каждое твоё слово через тонкую стенку. Пусть он и жил один, но личное пространство ценил превыше всего.

Бабушка Сяо Дуна, выслушав его, поняла, что долго такой жилец у них не задержится. И то верно — комнатуха у них тесная, не развернёшься. А юноша — парень с головой, раз заработал на свой дом, значит, так тому и быть.

Она подтвердила, что знает здесь каждый закоулок и всех соседей, и пообещала присмотреть подходящий вариант.

Поручив старушке поиски дома, Шэнь Юй показал Сяо Ся, как делать более сложные модели резинок, и отправился обратно в логово Сяо.

Хотя сегодня он вернулся пораньше, к ужину всё равно не успел. Впрочем, он и не рассчитывал. Перекусив у бабушки Сяо Дуна остатками своей провизии, он вошёл в квартиру.

***

В доме Сяо царил атмосфера заговора.

Сяо Цзясинь тоже опоздала утром в школу и теперь закатывала истерику, требуя вышвырнуть Шэнь Юя. Мол, из-за него над ними весь двор смеётся. Сяо Цзяньшэ с мрачным видом запер её в спальне.

За ужином она, не найдя Шэнь Юя, начала придирается к Лян Фэнся. Та тоже не осталась в долгу, и дело едва не дошло до летающих тарелок. Только окрик Старика Сяо заставил их замолчать.

После еды слово взял Сяо Цзяхуэй. Он долго и с обидой рассказывал, как Шэнь Юй подставил его перед учителем.

Лицо Старика Сяо потемнело. Раз этот щенок начал портить репутацию его любимого внука, терпеть его больше нельзя.

Цзяхуэй продолжал подливать масла в огонь:

— Я таких людей в жизни не видел! Он даже девчонок в классе терроризирует!

Старуха Сяо, чьё лицо всё ещё «красовалось» царапинами, оживилась:

— Что? Он что, к девкам полез? Хулиганит?

— Нет... — Цзяхуэй замялся. — Но он доводит их до слёз оскорблениями.

Старуха Сяо разочарованно фыркнула. Подумаешь, поругался с кем-то. Она-то надеялась, что этот выродок совершил что-то действительно подсудное.

Старик Сяо помолчал, а потом веско произнёс:

— Сегодня же всё ему скажем.

— Давно пора, — поддержал Сяо Цзяньшэ.

— Дедушка, а что вы скажете? — любопытно спросил Цзяхуэй.

Старик Сяо расправил плечи:

— Мы с твоим отцом всё обсудили. Шэнь Юй нам не родной. Мы кормили его до восемнадцати лет, долг выполнили. Дальше пусть сам крутится как хочет.

— Отличное решение! — обрадовался Цзяхуэй.

Сяо Цзясинь и вовсе взвизгнула от восторга:

— Наконец-то этот «хвост» уберётся! Глаза бы мои его не видели!

Маленький Сяо Цзяяо, ничего не понимая, радостно подхватил за старшими:

— Выкинуть приёмыша! Выкинуть!

Старуха Сяо мстительно добавила:

— Легко отделался! Пусть сначала восемь яиц вернёт, что сожрал у меня!

— Довольно, — оборвал её Старик Сяо. Всё ей яйца покоя не дают. Мало ей утренней взбучки.

Только Лян Фэнся сидела ни жива ни мертва.

— И... и вот так просто его выставить? — пролепетала она.

Сяо Цзясинь тут же ощетинилась:

— Что? Жалеешь его? Ну так катись вместе с ним!

Сяо Цзяньшэ приструнил дочь взглядом — всё-таки мать, хоть какая-то тень уважения должна быть. Но и он был недоволен женой.

— Цзяньшэ, я не о том, — быстро заговорила Лян Фэнся. — Просто... мы ведь его столько лет растили. Он теперь взрослый, работоспособный. И что, вот так всё бросить?

Старик Сяо прищурился:

— А что ты предлагаешь? Школу он не закончит. Ты сама знаешь, как сейчас трудно устроиться на завод. Думаешь, его возьмут? А на те гроши, что он заработает чернорабочим, он и себя-то не прокормит. Семья Сяо не обязана содержать бездельника.

Он был человеком, который дорожил своей репутацией, и то, что он открыто заговорил о выселении, означало: предел его терпению наступил.

Лян Фэнся всё ещё не была довольна. Она чувствовала себя обманутой: вкладывала в Шэнь Юя свои деньги, а теперь не получит никакой отдачи. Но спорить со свёкром она не посмела.

Поэтому, когда Шэнь Юй переступил порог, его ждала «благая» весть.

Старик Сяо, сохраняя на лице маску благожелательности, произнёс:

— Шэнь Юй, тебе скоро восемнадцать. Ты уже взрослый человек. Собирай вещи и готовься перевести свой домовый реестр. Нам пора расстаться.

<http://bllate.org/book/15805/1434876>